

Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий

Соловьева Т.С.¹

¹ Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

АННОТАЦИЯ:

Пространственный фактор в условиях российской действительности оказывает существенное воздействие на занятость населения, которая также находится под влиянием демографических, геополитических, глобализационных, научно-технологических, эпидемиологических и иных вызовов. В этой связи особого внимания требует анализ изменений в данной сфере, которые отражают социально-экономические трансформации как глобального, так и локального уровня. Целью настоящей статьи является анализ особенностей занятости населения России с учетом пространственного фактора. На основе анализа научной литературы по исследуемой проблематике были обозначены ключевые точки эволюции теории пространственного развития, а также выделены основные характеристики пространственного развития современной России. Рассмотрены особенности занятости населения РФ в рамках современной территориальной организации общества (агломерации, крупные и малые города, монопрофильные населенные пункты, сельская периферия). В заключение обозначены основные проблемные точки и приоритетные направления их устранения.

ФИНАНСИРОВАНИЕ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01986.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: занятость, рынок труда, пространственное развитие, города, сельская местность.

Features of the Russian population employment in the context of spatial development

Soloveva T.S.¹

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Введение

Изменения в занятости происходят под влиянием многих факторов, связанных с развитием научно-технического прогресса и цифровизации, демографических процессов, ростом мобильности рынков и капитала, ориентации на инклюзивность и устойчивое развитие, трансформации социально-трудовых ценностей и т.д. Эти тенденции влияют на спрос и предложение на рынке труда и проявляются на всех уровнях (глобальном, национальном, региональном и локальном), способствуя

возникновению новых форм и стандартов занятости, преобразуя условия труда и его пространственную организацию, трансформируя трудовые стратегии населения и институты рынка труда.

Обозначенные тренды характерны и для России, но в то же время на них накладываются и другие специфические обстоятельства. В условиях российской действительности большая роль отводится пространственному фактору. Основными вызовами при этом являются: сложность освоения имеющейся обширной территории, неравномерность расселения, нехватка финансирования и интересы держателей власти и капитала [26, с. 214] (*Nefedova, Glezer, 2020, p. 214*). Сжатие освоенного пространства будет ключевым трендом пространственного развития РФ в среднесрочной перспективе, вследствие чего произойдет сокращение трудового потенциала малых городов и сельской периферии за пределами агломераций, поляризация пространства и человеческого капитала, деформация опорного каркаса территории. Вследствие этого пространственный аспект в значительной мере влияет на трудовые стратегии населения и их реализацию, что напрямую отражается на развитии рынков труда в регионах и муниципалитетах страны. В свою очередь, это актуализирует исследование трансформационных процессов в сфере занятости сквозь призму пространственного фактора,

ABSTRACT:

In the conditions of Russian reality, the spatial factor has a significant impact on employment, which is also influenced by demographic, geopolitical, globalization, scientific and technological, epidemiological and other challenges. In this regard, special attention needs to be paid to the analysis of changes in this area. They reflect social and economic transformations at both the global and local levels. The purpose of the article is to analyze the features of employment of the Russian population taking into consideration the spatial factor. Based on the analysis of the scientific literature on the subject matter, the authors identify the key points of the evolution of the theory of spatial development, as well as the main characteristics of the spatial development of modern Russia. The analysis reveals the features of employment in Russian Federation within the framework of the modern territorial organization of society (agglomerations, large and small cities, single-industry settlements, and rural periphery). In conclusion, the author outlines the main problem points and priority directions for their elimination.

ACKNOWLEDGMENTS. The reported study was funded by RSF within the scientific project no. 22-28-01986

KEYWORDS: employment, labour market, spatial development, cities, rural areas

JEL Classification: J21, J61, O18

Received: 17.05.2022 / **Published:** 30.07.2022

© Author(s) / Publication: PRIMEC Publishers
For correspondence: Soloveva T.S. (solo_86@list.ru)

CITATION:

Soloveva T.S. (2022) Osobennosti zanyatosti naseleniya Rossii v kontekste prostranstvennogo razvitiya territoriy [Features of the Russian population employment in the context of spatial development]. *Ekonomika truda*. 9. [7]. – 1147–1166. doi: [10.18334/et.9.7.114801](https://doi.org/10.18334/et.9.7.114801)

в частности в разрезе «город – сельская периферия», что будет способствовать определению первоочередных направлений и совершенствованию инструментов территориальной социальной политики. Кроме того, в последние годы усилилось значение эпидемиологического и геополитического факторов, что может ускорять процессы трансформации социально-трудовых отношений, в том числе в пространственном ракурсе. В этой связи целью настоящей статьи является обобщение особенностей занятости населения России с учетом пространственного фактора. Гипотеза исследования заключается в том, что в условиях российской действительности в силу специфики пространственного развития занятость населения имеет соответствующие характерные черты, что необходимо учитывать для принятия эффективных управленческих решений. Научная новизна состоит в систематизации основных особенностей и вызовов в сфере занятости, связанных с динамикой пространственного развития России. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы анализа, сравнения, обобщения с элементами научного обзора. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые документы, научные публикации по рассматриваемой тематике, данные Федеральной службы государственной статистики.

Теоретические аспекты пространственного развития

Базисом теории пространственного развития являются труды представителей классических концепций размещения хозяйственной деятельности И.Г. фон Тюнена (модель «изолированного государства») [56] (*Von Thünen, 1826*), В. Лаунхардта, А. Вебера (теория размещения промышленности), Г. Хотеллинга (модель линейного города) [47, 50, 57] (*Hotelling, 1929; Launhardt, 1882; Weber, 1922*). У. Айзард [48] (*Isard, 1962*) обозначил ключевые принципы теории пространственного развития, которые в дальнейшем стали фундаментом концепции территориально-промышленных комплексов советских ученых (Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского [4, 15] (*Baranskii, 1980; Kolosovskii, 1941*)), в соответствии с которой развитие экономического района связано с его специализацией, размещением соответствующих ей предприятий в зависимости от ресурсов района.

Значительный вклад в развитие пространственной экономики и географии в XX веке внесли теории организации пространства, а именно теория центральных мест В. Кристаллера [44] (*Christaller, 1933*) и теория организации экономического пространства А. Леша [51] (*Lösch, 1954*), отражающие пространственные закономерности развития производительных сил и непроизводительной сферы. Согласно теории

ОБ АВТОРЕ:

Соловьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник (solo_86@list.ru)

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Соловьева Т.С. Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий // Экономика труда. – 2022. – Том 9. – № 7. – С. 1147–1166. doi: [10.18334/et.9.7.114801](https://doi.org/10.18334/et.9.7.114801)

В. Кристаллера, экономическое пространство представляет собой иерархическую структуру, в основе формирования которой находятся города и агломерации, образующие правильные треугольные сети [44] (*Christaller, 1933*). В работах А. Леша представлена равновесная модель размещения производства и населенных пунктов [51] (*Lösch, 1954*). Значительным стимулом для развития пространственной теории стала теория «полюсов роста» Ф. Перру, связывающая пространственное развитие с концентрацией ресурсов в определенных отраслях экономики [52] (*Perroux, 1950*). Данная теория получила развитие в направлениях, связанных с исследованием агломерационных процессов (Ж. Будвиль [43] (*Boudeville, 1966*), Дж. Фридман [45] (*Friedmann, 1966*), П. Кругман [49] (*Krugman, 1998*), Х. Ричардсон [55] (*Richardson, 1993*) и др.), организации кластерных сетевых структур (М. Портер [53] (*Porter, 1998*)), осей развития (П. Потье [54] (*Pottier, 1963*)), распространением (диффузией) инноваций (Т. Хегерstrand [42] (*Hägerstrand, 1994*)).

Современные теории пространственного развития регионов России берут истоки в трудах А.Г. Гранберга [8] (*Granberg, 1973*), О.С. Пчелинцева [32] (*Pchelintsev, 1966*), П.А. Минакира [21] (*Minakir, 2016*), М.К. Бандмана [3] (*Bandman, 1990*) и др. Отличительной чертой развития современного российского социально-экономического пространства выступают процессы централизации и периферизации. Специалистами отмечается, что они усиливают диспропорции в разрезе «центр – периферия» как на страновом, так и на региональном и субрегиональном уровне [31, с. 17–19] (*Druzhinin, Kolosov, Shuvalov, 2012, p. 17–19*). Происходит концентрация ресурсов в крупных центрах, а небольшие (особенно сельские) населенные пункты испытывают в них дефицит, находясь в условиях выживания, что ведет к сжатию освоенного пространства. Еще одной характеристикой изменения территориальной структуры общества выступает фрагментация пространства, отражающая углубление различий между населенными пунктами сходного масштаба (к примеру, между малыми городами, имеющими различное географическое положение) [31, с. 35] (*Druzhinin, Kolosov, Shuvalov, 2012, p. 35*). Развитие процессов цифровизации и возникающая в результате проблема цифрового разрыва пространства несколько усугубляют ситуацию, способствуя усилению поляризации территорий (особенно в случае одновременной транспортной и цифровой отчужденности). Однако при нивелировании этого разрыва цифровая доступность может, напротив, стать катализатором позитивных изменений, сглаживая процессы периферизации. Зачастую объектом исследований выделенных процессов выступает сельская местность, где они наиболее ярко выражены [40, с. 127–128] (*Trotskovsky, 2021, p. 127–128*).

Наличие системных диспропорций в территориальном развитии России вновь актуализировали вопросы развития городских агломераций [22, с. 30] (*Morgunov, Shutov, Fatullaev, 2021, p. 30*), которые в соответствии со Стратегией пространственного развития должны сформировать новый опорный каркас территориальной организации пространства. При этом развитие агломераций несет в себе как позитивные

(повышение эффективности и снижение издержек производства, разработка и диффузия инноваций, увеличение мобильности трудовых ресурсов и расширение возможностей приложения труда и др.), так и негативные (стягивание населения периферии, повышение нагрузки на транспортную систему, ухудшение экологической обстановки и т.д.) эффекты [6, с. 55] (Voroshilov, 2021, p. 55). Специалисты отмечают отсутствие в России инструментов развития крупных городов и важность снятия барьеров реализации конкурентных преимуществ в виде агломерационного эффекта [10, с. 227] (Zubarevich, 2015, p. 227).

Занятость в фокусе пространственного развития: фактор города и сельской местности

В контексте пространственного развития в настоящее время представляется особо актуальным исследование процессов трансформации занятости, в частности с учетом изменений территориальной организации общества. Особую важность рассматриваемая тематика приобретает в свете утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [37], в которой подчеркивается необходимость содействия диверсификации занятости и расширения поддержки инициатив населения в сфере предпринимательства, не связанного в т.ч. с сельским хозяйством, повышения внутрирегиональной миграционной подвижности населения. Кроме того, в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 [29] отражены национальные цели развития страны на период до 2024 года, направленные на создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Территориальный/пространственный фактор оказывает существенное влияние на процессы изменения в занятости в плане *места приложения труда*. «В новых рыночных условиях пространственная организация, в том числе унаследованная от советского времени (path dependency), становится непосредственным фактором развития *сельской местности*» (курсив авт.) [31, с. 89] (Druzhinin, Kolosov, Shuvalov, 2012, p. 89). Вследствие приватизации земель сельскохозяйственного назначения и внедрения инновационных агротехнологий произошло снижение кадровой потребности сельского хозяйства. Ситуацию усугубляет упадок личных подсобных хозяйств, в частности из-за старения населения [24, с. 15–148] (Nefedova, 2017, p. 15–148). Кроме того, развитие процессов дезурбанизации также создает угрозу для сельскохозяйственной занятости, поскольку строительство дач и коттеджей постепенно отодвигает границы пригородного сельскохозяйственного производства.

Уровень заработной платы в сельском хозяйстве в России – традиционно один из самых низких по экономике. Так, по предварительным данным, за 2021 г. среднемесячная номинальная заработная плата работников сельского хозяйства (без учета лесного и рыбного) была в 1,6 раза ниже средней по экономике [33]. Вкупе с общим разрывом в уровне заработных плат между городом и селом это провоцирует отток населения из сельской местности. При этом, согласно модели Тодаро-Харриса, этот миграционный

поток сохраняется, пока разница в уровнях зарплаты между населенными пунктами выбытия и прибытия достаточно существенна и способна «перевесить» риски безработицы [46] (*Harris, Todaro, 1970*).

Очень ярко ситуация с сельской занятостью описана в коллективной монографии Института географии РАН, посвященной староосвоенным районам России: «Людей удручают не только отсутствие работы и мизерные зарплаты, но и общая деградация среды, которая затягивает и их самих: “был колхоз, коллектив, настрой на работу”, “сейчас никому ничего не надо”» [36, с. 241] (*Averkiewa et al., 2021, p. 241*). Процессы оптимизации учреждений бюджетной сферы (в частности, образования и здравоохранения) [35] (*Soloveva, 2016*) и общее старение кадров только усилили проблемы занятости в сельской местности. Несколько сглаживает положение (к примеру, в регионах Центральной России) возникновение крупных агрохолдингов и комплексов, которые при нехватке трудовых ресурсов в месте их локализации организуют подвоз работников из близлежащих населенных пунктов [25, с. 139] (*Nefedova, 2021, p. 139*).

Уровень безработицы на селе традиционно выше, чем в городской местности, поскольку возможности для трудоустройства менее разнообразны. При этом необходимо учитывать, что декларируемая безработица далеко не в полной степени отражает реальную картину. Тем не менее в 2019–2020 гг. за время пандемии коронавируса разрыв в уровне безработицы между сельскими и городскими территориями продолжил начатое в 2007 г. сокращение за счет более высокого прироста в городах. Однако уже спустя год снова приблизился к историческому пику, достигнув значения 86,3% [17, с. 12] (*Laikam, Bikbaeva, Pavlova, 2021, p. 12*).

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года среди направлений решения проблемы занятости сельского населения обозначены: создание новых высокотехнологичных рабочих мест в агросекторе, стимулирование трудовой мобильности, «поддержка фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, в том числе развитие ремесел и сельского туризма» [38]. Специалисты подчеркивают, что в условиях современности применительно к сельской занятости корректнее использовать не термин «альтернативная занятость» (использовавшийся для работников сельского хозяйства, потерявших работу), а понятие «внегородская занятость». Данный термин также характеризует и трудовую деятельность горожан, временно или постоянно выезжающих на работу в сельскую местность, что определяется новым взглядом на практики освоения пространства [28, с. 119] (*Nikulina, Arefieva, Saraikin, 2022, p. 119*).

Что касается субурбанизации, то в России в отличие от западных стран эти процессы чаще носят сезонный характер и выражаются в дачном использовании сельских территорий [19] (*Makhrova, 2015*). В то же время специалистами отмечается, что во время кризисов различного характера (экономических, эпидемиологических и др.) наблюдается временный рост уезжающих из городов, в том числе на дачи [36, с. 64] (*Averkiewa et al., 2021, p. 64*). При этом потоки дачников из городов стимулируют раз-

витие неформальной занятости и малого бизнеса, например, покупая у местного населения натуральные продукты или нанимая их для работы на участке. Активные сельские жители занимаются предпринимательской деятельностью или заняты в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) товарного и нетоварного характера. Однако согласно данным сельскохозяйственных переписей, удельный вес личных подсобных хозяйств с заброшенными земельными участками с 2006 по 2016 г. возрос с 6 до 11% [7].

В целом, к примеру, в сельской местности Центрального Черноземья порядка 40% жителей имеют стандартную полную занятость, около трети являются самозанятыми (ЛПХ и «калымщики»¹), еще столько же – иждивенцами и получателями пособий, 14% – маятниковыми мигрантами и 9% – отходниками [1, с. 77] (*Averkieva, Zemlyanskii, 2016, p. 77*). Неразвитость инфраструктуры, снижение хозяйственной активности в сельской местности, нарастающая поляризация по линии «центр – периферия» не только приводят к оттоку трудовых ресурсов, но и ограничивают развитие ряда одних форм занятости (дистанционная занятость, телетруд) и стимулируют распространение других (неформальная самозанятость) [12, с. 36, 40] (*Kalinina, Solovchenkov, 2018, p. 36, 40*). В общероссийском исследовании гендерного аспекта дистанционной занятости было установлено, что готовность женщин к этому виду занятости убывает при удалении от крупных городов [39, с. 97] (*Tonkikh, 2021, p. 97*). В то же время на селе достаточно развита временная (сезонная, разовая, случайная) занятость [13, 23] (*Kalugina, 2012; Neustroyeva, Popova, 2014*).

Города являются опорными точками, связывающими сельское пространство с помощью транспортных сетей. При этом волны урбанизации в России отличаются некоторой цикличностью (*рис.*). Основная масса городов возникла в послевоенные периоды, а кризис начала 1990-х гг. привел к временному оттоку населения из крупных центров. Но к началу 2000-х наметилась обратная тенденция, поскольку проблемы занятости на селе усугубились, а в городах было проще найти работу.

Развитие третичного сектора экономики привело к росту удельного веса соответствующих отраслей и появлению большого количества рабочих мест, особенно в крупных городах. Более высокий уровень оплаты труда в них способствовал увеличению разрыва в уровне жизни между центрами и периферийными районами.

В малых городах, теряющих население, как по естественным, так и миграционным причинам, складывается ситуация, характеризующаяся не только низкими заработными платами, но и общей неблагоустроенностью жизнедеятельности. Особенно серьезное положение отмечается в небольших городах на территориях сельской периферии, имеющих лесозаготовительную специализацию или выработанные ресурсы месторождений полезных ископаемых [16] (*Lazhentsev, 2015*). Отсюда вытекает проблема занятости в *монопрофильных населенных пунктах*, функционирование которых находится в прямой зависимости от деятельности градо/поселкообразующего

¹ Люди, имеющие нерегулярные заработки.

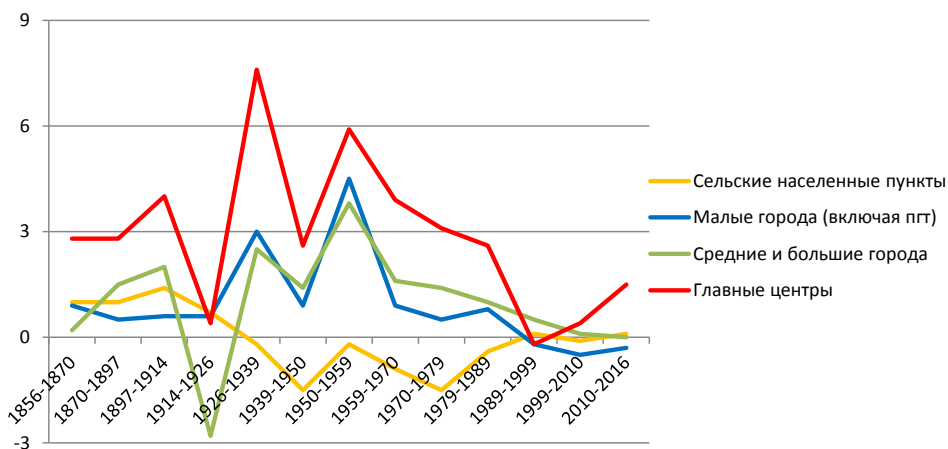

Рисунок. Среднегодовые темпы динамики населения в городах и сельской местности, %
 Источник: [24, с. 14] (Nefedova, 2017, p. 14).

предприятия. В случае значительной удаленности от других населенных пунктов (как, например, в сфере лесозаготовок) возможности для развития занятости других видов ограничены. В целом же, по мнению экспертов, большинство моногородов (более 2/3 и треть поселков городского типа) не испытывают серьезных проблем, поскольку они, по сути, уже не являются монопрофильными [11, с. 39] (Zubarevich, 2017, p. 39). В новых геополитических условиях вследствие разворачивания санкций с уходом иностранных компаний, отказа от импорта российских товаров и перебоев в цепочках поставок функционирование ряда моногородов оказывается под угрозой.

Занятость в фокусе пространственного развития: миграционные аспекты

Одним из важнейших аспектов изучения влияния изменений территориальной организации на социальные процессы и структуры (в том числе занятости) становится вопрос *трудовой миграции населения*, в частности, неизбежно сопровождающей агломерационные процессы маятниковой миграции. Сжатие локальных рынков труда в условиях нехватки рабочих мест и общего упадка сельской местности, а также некоторых городских поселений приводит к тому, что часть населения вынуждена искать работу вне постоянного места жительства. Как отмечают специалисты, агломерации в России лишь в небольшой степени являются импульсами развития для периферии и «играют роль “черных звезд”, всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства» [21, с. 12] (Minakir, 2016, p. 12). При этом в основном происходит отток трудоспособного населения, в частности молодежи, что негативно сказывается на перспективах развития периферии.

В слабоосвоенных северных регионах, которые исторически выступали местом временного заработка, распространена *вахтовая занятость*. При плотности населения в трудоспособном возрасте не более 2 чел. / кв. км данные территории характеризуются очень низкой концентрацией трудовых ресурсов, что не способствует сбалансированному развитию пространства [14, с. 97] (*Kozhevnikov, 2019, p. 97*). По данным Росстата на 2017 г., в России на заработки вахтовым методом выезжали порядка 1,5 млн чел. [30] (*Podtserob, Smertina, 2018*). При этом В.Н. Лексин отмечает, что вахта является не просто формой занятости, а «особым порядком организации жизни... и пространственной организации экономической и социальной деятельности в регионах и муниципальных образованиях России» [18, с. 135] (*Leksin, 2021, p. 135*). Несмотря на то, что в большинстве своем условия жизни и быта в вахтовых поселениях оставляют желать лучшего, есть и позитивные примеры создания современных поселков. Так, п. Сабетта (в пер. с ненецкого – «конец земли») в Ямало-Ненецком автономном округе, по мнению специалистов, выступает примером «организации производственно-территориального комплекса, функционирование... объектов которого полностью определяется интересами... частной компании» (ПАО НОВАТЭК – прим. авт.) [18, с. 135] (*Leksin, 2021, p. 135*).

Отходничество как регулярная возвратная трудовая мобильность с полугодовым, месячным или недельным ритмом в настоящее время отличается тем, что в нем участвуют не только сельские жители, как было изначально, но и население городов. По сравнению с вахтовиками занятость отходников характеризуется более коротким трудовым графиком. Основным катализатором данного процесса выступают невысокий уровень заработных плат в родном населенном пункте мигранта, а также достаточно высокие цены на недвижимость в принимающем городе. При этом перемещения могут происходить на значительные расстояния (до 500 км). Трансферты таких мигрантов вносят вклад в местную экономику, но ввиду их, как правило, низкой квалификации и производительности труда это не приводит к созданию дополнительной добавленной стоимости [41, с. 11] (*Trunova et al., 2020, p. 11*). К тому же существенная часть отходников сосредоточена в неформальном секторе. Отход из близлежащих районов в крупные города и административные центры провоцирует там возникновение дефицита кадров даже в сельском хозяйстве и бюджетной сфере [36, с. 61–62]. Численность отходников в России, по разным данным, колеблется от 10 до 20 млн чел. [18, с. 140] (*Leksin, 2021, p. 140*).

Маятниковая миграция, характерная, как правило, для населенных пунктов, расположенных вблизи крупных городов, получила импульс к развитию с ростом урбанизации. Ее усилению способствует увеличение объемов пассажироперевозок и автомобилизация домохозяйств. При этом данный вид миграции может рассматриваться как «компенсаторный механизм выравнивания неравномерности социально-экономических условий» территорий [9, с. 223] (*Dyachkova, Mosienko, 2021, p. 223*). Маятниковая миграция, с одной стороны, выступает в качестве фактора реализации

трудового потенциала населения, а с другой – влияет на процессы пространственного развития территорий, в частности субурбанизацию [2] (*Afonin, 2012*), что может приводить к негативному воздействию на развитие сельской местности [5] (*Bedrina, Kozlova, Ishukov, 2018*).

Необходимо отметить, что при нивелировании цифрового неравенства в регионах, городской/сельской местности имеется значительный потенциал для развития удаленной занятости. Реализация этого потенциала, в свою очередь, определяя векторы территориальной мобильности населения (в том числе мотивацию остаться жить в конкретном населенном пункте), в перспективе может повлиять на пространственное развитие России [20, с. 262–263] (*Melnikova, 2019, p. 262–263*).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что существуют определенные особенности занятости населения России, обусловленные пространственным фактором. Развитие процессов урбанизации повлекло за собой стягивание в крупные города ресурсов, в том числе трудового и человеческого потенциала, с периферийных, особенно сельских территорий. Более широкие возможности для трудоустройства, высокие уровни заработных плат и доступность качественных социальных и бытовых услуг привлекают жителей малых городов, моногородов и сельской местности. Часть населения переезжает в город на постоянной основе, а при отсутствии такой возможности (к примеру, в силу дороговизны жилья) становится отходниками или маятниковыми мигрантами. Распространение цифровизации в данном случае может способствовать развитию удаленной занятости и закреплению трудовых ресурсов в малых городах и сельских территориях. Однако здесь возникает проблема совершенствования цифровой инфраструктуры и цифровой грамотности населения.

На северных территориях страны с очаговой и линейно-очаговой системой расселения и размещения хозяйства наряду с традиционными также распространены временные и вахтовые формы работы. При этом в связи с достаточно высокой долей монопрофильных населенных пунктов, ресурсным циклом экономики и общим ухудшением финансового положения организаций вопросы трудоустройства на Севере являются достаточно актуальными. В данном случае минимизации оттока населения, особенно трудоспособного возраста, препятствует неконкурентоспособность заработной платы, низкий спрос на трудовые ресурсы, невысокая комфортность проживания и уровень сервиса жителей.

Трудовой потенциал сельской периферии также имеет тенденцию к сокращению, в том числе в результате центростремительных миграционных потоков. Отъезд молодежи и ее невозвращение по окончании образовательных организаций приводят к старению кадров и нехватке высококвалифицированных трудовых ресурсов. Вместе с тем в результате пандемии COVID-19 и ее последствий высказывается предположение, что данный фактор может способствовать началу обратной миграции в сель-

скую местность и популяризации сельского образа жизни. Так, экспертный опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. подтвердил вероятность такого сценария, при этом было отмечено, что ключевыми аспектами успешности его реализации выступают достойная занятость (около 80%), качественное жилье (порядка 55%) и транспортная доступность (примерно 40%) [34, с. 14–15] (*Serova et al., 2021, p. 14–15*). Следовательно, именно сфера занятости является краеугольным камнем развития сельской местности. Это позволяет заключить, что не только пространственный фактор влияет на особенности занятости населения, но имеется и обратное влияние. Концентрация человеческого капитала выступает одним из ключевых факторов пространственного развития и конкурентоспособности территории. Н.Н. Колоссовский еще в 1941 году отмечал, что «развитие хозяйства района зависит от количества трудовых ресурсов» [15] (*Kolossovskii, 1941*). В связи с этим специалисты полагают, что «будущее периферии неоднозначно и во многом зависит от политики федеральных и региональных властей» [26, с. 247] (*Nefedova, Glezer, 2020, p. 247*). С этим нельзя не согласиться, поскольку только создание благоприятных условий для жизнедеятельности, в том числе при участии органов власти, бизнес-структур и гражданского общества, может способствовать развитию периферийных территорий. В контексте социально-трудовых отношений в первую очередь это касается расширения альтернативной (внегородской) занятости, стимулирования предпринимательской активности населения (включая социальное предпринимательство), использования цифровых технологий для создания новых и сохранения старых рабочих мест на производстве и в сфере услуг. Кроме того, для предотвращения сжатия освоенного пространства существует потенциал в плане привлечения мигрантов (как внутренних, так и внешних) для занятия не только сельским хозяйством, но и другими видами экономической деятельности.

Территориальную специфику, вероятно, также будет иметь и влияние геополитического фактора на занятость (особенно в контексте закрытия и приостановки деятельности ряда компаний, перебоев с логистикой), что отразится на уровне безработицы, росте неполной занятости, введении рабочих отпусков, изменении структуры занятости в целом и т.д. Причем, если во время пандемии имело место понимание временности введенных ограничений, то в настоящее время повышение социально-экономической неопределенности не позволяет достаточно четко предвидеть последствия и перспективы выхода из сложившегося кризиса. В связи с этим проблематика трансформационных процессов в сфере занятости современной России, особенно в контексте изменения пространственной организации общества, в современных условиях нестабильности актуальна и требует дальнейшего развития как в теоретико-методологическом плане, так и с точки зрения практических аспектов.

ИСТОЧНИКИ:

1. Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2016. – № 2. – с. 75–81.
2. Афонин М.В. Маятниковая миграция как фактор субурбанизации // Вестник социально-политических наук. – 2012. – № 11. – с. 14–19.
3. Бандман М.К., Бандман О.Л., Есикова Т.Н. Территориально-производственные комплексы: Прогнозирование процесса формирования с использованием сетей Петри. / отв. ред. А.Г. Гранберг; ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. – 303 с.
4. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные проблемы географии. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
5. Бедрина Е.Б., Козлова О.А., Ишуков А.А. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // *Ars Administrandi*. Искусство управления. – 2018. – № 10(4). – с. 631–648. – doi: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648.
6. Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. – 2021. – № 26(4). – с. 54–74. – doi: 0.21686/2073-1051-2021-4-54-74.
7. Всероссийские сельскохозяйственные переписи. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792> (дата обращения: 26.04.2022).
8. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. – Москва : Экономика, 1973. – 248 с.
9. Дьячкова П.А., Мосиенко Н.Л. Анализ маятниковых миграций в городской агломерации: социологические опросы и большие данные // Мир экономики и управления. – 2021. – № 21(4). – с. 205–228. – doi: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-205-228.
10. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – с. 226–230.
11. Зубаревич Н.В. Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2017. – № 4. – с. 38–44.
12. Калинина И.В., Соловченков С.А. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2018. – № 4. – с. 33–45. – doi: 10.1134/S2587556618040064.
13. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: Экономика и Социология. – 2012. – № 2. – с. 45–67.
14. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – № 6. – с. 91–109. – doi: 10.15838/esc. 2019.6.66.5.

15. Колосовский Н.Н. К вопросу об экономическом районировании // Проблемы экономики.– 1941. – № 1. – с. 36–52.
16. Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития.– Сыктывкар: ИСЭиЭПС Коми научный центр УрО РАН, 2015. – 176 с.
17. Лайкам К.Э., Бикбаева А.Р., Павлова Е.К. Влияние пандемии коронавируса на рынок труда // Федерализм. – 2021. – № 4 (104). – с. 5–19. – doi: 10.21686/2073–1051–2021–4–5–19.
18. Лексин В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: Экономика и Социология. – 2021. – № 3(111). – с. 133–153. – doi: 10.15372/REG20210306.
19. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2015. – № 4. – с. 60–68.
20. Мельникова Т.Б. Удаленная занятость и пространственное развитие Российской Федерации: риски и перспективы // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее: Сб. научных трудов участников Междунар. научной конференции – XXVI Кондратьевские чтения / под ред. В.М. Бондаренко. – М. : МОСИПНН Н.Д. Кондратьева. Москва, 2019. – с. 261–266.
21. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. – 2016. – № 3. – с. 7–15.
22. Моргунов Е.В., Шутов О.Л., Фатуллаев С.Т. Теоретико-методологические подходы к определению городской агломерации как пространственно-локализованной подсистемы российских регионов // Вестник МИРБИС. – 2021. – № 3(27). – с. 28–36. – doi: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3..
23. Неустроева А.Б., Попова О.В. Нестандартная занятость сельского населения Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. – 2014. – № 3(75). – с. 57–62.
24. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. – М.: URSS-ЛЕНАНД, 2017. – 456 с.
25. Нефедова Т.Г. Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. – 2021. – № 1. – с. 126–153. – doi: 10.22394/2500–1809–2021–6–1–126–153.
26. Нефедова Т.Г., Глезер О.Б. Трансформация социально-географического пространства России. / Вызовы и политика пространственного развития России в XXI / В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – 214–251 с.
27. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. – 2017. – № 2 (56). – с. 12–23.

28. Никулина Ю.Н., Арефьева В.А., Сарайкин В.А. Альтернативная сельская занятость и ее связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. – 2022. – № 25(1). – с. 118–128. – doi: 10.19181/population.2022.25.1.10.
29. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 26.04.2022).
30. Подцероб М., Смертина П. Как вахтовики воюют с работодателями. И почему вахтовые поселки – подходящее место для трудовых конфликтов // Ведомости. – 2018.
31. Дружинин А.Г., Колосов В.А., Шувалов В.Е. Пространство современной России: возможности и барьеры развития. – М.: Вузовская книга, 2012. – 336 с.
32. Пчелинцев О.С. Экономическое обоснование размещения производства: методы, применяемые в капиталистических странах. – М.: Наука, 1966. – 264 с.
33. Рынок труда, занятость и заработная плата. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 26.04.2022).
34. Серова Е.В., Наумов А.С., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Абдолова С.Н. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2021. – № 6(384). – с. 10–16. – doi: 10.24412/2587–6740–2021–6–10–16.
35. Соловьева Т.С. О некоторых результатах модернизации региональных образовательных систем (на примере Вологодской области) // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – № 11. – с. 232–243.
36. Аверкиева К.В., Нефедова Т. Г., Старикова А.В. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. – 379 с.
37. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 26.04.2022).
38. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238/ (дата обращения: 26.04.2022).
39. Тонких Н.В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народонаселение. – 2021. – № 3. – с. 92–104. – doi: 10.19181/population.2021.24.3.8.
40. Троцкий А.Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // Экономика Профессия Бизнес. – 2021. – № 3. – с. 125–132. – doi: 10.14258/epb202147.
41. Трунова Н.А., Лагунов И.В., Петросян А.Н. Люди. Деньги. Данные. – М.: ЦСР, 2020. – 46 с.

42. Хагерстранд Т. Диффузия инноваций. – М. : Инфра-М, 1994. – 326 с.
43. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966. – 192 p.
44. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. – Jena: Gustav Fischer, 1933. – 340 p.
45. Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Boston: The MIT Press, 1966. – 279 p.
46. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. – 1970. – № 60. – p. 126–142.
47. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. – 1929. – № 39(153). – p. 41–57.
48. Isard W. Methods of regional analysis: an introduction to regional science. – Cambridge: THE M.I.T. PRESS, 1962. – 784 p.
49. Krugman P. Spase: The Final Frontier // Journal of Economic Perspectives. – 1998. – № 12(2). – p. 161–174.
50. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. – 1882. – № 26. – p. 106–115.
51. Lösch A. The economics of location // New Haven: Yale University Press. – 1954. – p. 520.
52. Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. – 1950. – № 64. – p. 89–104.
53. Porter M. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. – 1998. – № 76(6). – p. 77–90.
54. Pottier P. Axes de communication et developpement economique // Revue Economique. – 1963. – № 1. – p. 12–58.
55. Richardson H.W. Regional Growth Theory. – London: Macmillan, 1993. – 405 p.
56. Von Thünen J.H. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. – Hamburg: Wirtschaft & Finan, 1826. – 290 p.
57. Weber A. Ueber den Standort der Industrien. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1922. – 500 p.

REFERENCES:

- Afonin M.V. (2012). *Mayatnikovaya migratsiya kak faktor suburbanizatsii* [Pendulum migration as a factor of suburbanization]. *Vestnik sotsialno-politicheskikh nauk.* (11). 14–19. (in Russian).
- Averkiewa K.V., Nefedova T. G., Starikova A.V. (2021). *Staroosvoennyye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost* [Old-developed areas in the space of Russia: history and modernity] (in Russian).
- Averkiewa K.V., Zemlyanskiy D.Yu. (2016). *Struktura zanyatosti selskogo naseleniya v Tsentralnom Chernozeme* [Employment pattern of rural population in the Central Chernozem area]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya.* (2). 75–81. (in Russian).

- Bandman M.K., Bandman O.L., Esikova T.N. (1990). *Territorialno-proizvodstvennye kompleksy: Prognozirovanie protsessa formirovaniya s ispolzovaniem setey Petri* [Territorial production complexes: Forecasting the formation process using Petri nets] (in Russian).
- Baranskiy N.N. (1980). *Izbrannyye trudy. Nauchnye problemy geografii* [Selected works. Scientific problems of geography] (in Russian).
- Bedrina E.B., Kozlova O.A., Ishukov A.A. (2018). *Metodicheskie voprosy otsenki mayatnikovoy migratsii naseleniya* [Methodological issues of assessing the pendulum migration of the population]. *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya.* (10(4)). 631–648. (in Russian). doi: 10.17072/2218–9173–2018–4-631–648.
- Boudeville J. (1966). *Problems of Regional Economic Planning*
- Christaller W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland*
- Druzhinin A.G., Kolosov V.A., Shuvalov V.E. (2012). *Prostranstvo sovremennoy Rossii: vozmozhnosti i barery razvitiya* [The space of modern Russia: opportunities and barriers to development] (in Russian).
- Dyachkova P.A., Mosienko N.L. (2021). *Analiz mayatnikovoyh migratsiy v gorodskoy aglomeratsii: sotsiologicheskie oprosy i bolshie dannye* [The analysis of commuting migrations within the urban agglomeration: sociological surveys and big data]. *World of economics and management.* (21(4)). 205–228. (in Russian). doi: 10.25205/2542–0429–2021–21–4-205–228.
- Friedmann J. (1966). *Regional development policy: a case study of Venezuela*
- Granberg A.G. (1973). *Optimizatsiya territorialnykh proporsiy narodnogo khozyaystva* [Optimization of territorial proportions of the national economy] (in Russian).
- Harris J.R., Todaro M.P. (1970). *Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis* *American Economic Review.* (60). 126–142.
- Hotelling H. (1929). *Stability in Competition* *The Economic Journal.* (39(153)). 41–57.
- Isard W. (1962). *Methods of regional analysis: an introduction to regional science*
- Kalinina I.V., Solovchenkov S.A. (2018). *Problemy razvitiya nestandartnoy zanyatosti v selskoy mestnosti Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [Problems of development of nonstandard employment in rural areas of the Jewish autonomous oblast]. *Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. Geographic series.* (4). 33–45. (in Russian). doi: 10.1134/S2587556618040064.
- Kalugina Z.I. (2012). *Inversiya selskoy zanyatosti: praktika i politika* [Inverted rural employment: practices and policy]. *Regional Research of Russia.* (2). 45–67. (in Russian).
- Khagerstrand T. (1994). *Diffuziya innovatsiy* [Diffusion of innovation] (in Russian).
- Kolosovskiy N.N. (1941). *K voprosu ob ekonomicheskoy rayonirovaniy* [On the issue of economic zoning]. *The problems of Economy.* (1). 36–52. (in Russian).

- Kozhevnikov S.A. (2019). *Prostranstvennoe i territorialnoe razvitie Evropeyskogo Severa Rossii: tendentsii i priority transformatsii* [Spatial and territorial development of the European North: trends and priorities of transformation]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. (6). 91–109. (in Russian). doi: 10.15838/esc.2019.6.66.5.
- Krugman P. (1998). *Spase: The Final Frontier Journal of Economic Perspectives*. (12(2)). 161–174.
- Launhardt W. (1882). *Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*. (26). 106–115.
- Laykam K.E., Bikbaeva A.R., Pavlova E.K. (2021). *Vliyanie pandemii koronavirusa na rynek truda* [Impact of the coronavirus pandemic on labor market]. *Federalizm*. (4 (104)). 5–19. (in Russian). doi: 10.21686/2073–1051–2021–4–5–19.
- Lazhentsev V.N. (2015). *Sever Rossii: voprosy prostranstvennogo i territorialnogo razvitiya* [The North of Russia: issues of spatial and territorial development] (in Russian).
- Leksin V.N. (2021). *Novoe otkhodnichestvo i vakhtovaya organizatsiya truda v protsessakh depopulyatsii i zaseleniya territoriy* [New otkhodnichestvo and shift labor organization in the processes of depopulation and settlement of territories]. *Regional Research of Russia*. (3(111)). 133–153. (in Russian). doi: 10.15372/REG20210306.
- Lösch A. (1954). *The economics of location New Haven: Yale University Press*. 520.
- Makhrova A.G. (2015). *Sezonnaya suburbanizatsiya v regionakh Rossii* [Seasonal suburbanization in the regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. (4). 60–68. (in Russian).
- Melnikova T.B. (2019). *Udalennaya zanyatost i prostranstvennoe razvitie Rossiyskoy Federatsii: riski i perspektivy* [Remote employment and spatial development of the Russian Federation: risks and prospects] *Spatial potential of Russia's development: unlearned lessons and tasks for the future*. 261–266. (in Russian).
- Minakir P.A. (2016). *Natsionalnaya strategiya prostranstvennogo razvitiya: dobrosovestnye zabluzhdeniya ili namerennye uproshcheniya?* [The national strategy of spatial development: is it the conscientious delusion or deliberate simplification?]. *Spatial Economics*. (3). 7–15. (in Russian).
- Morgunov E.V., Shutov O.L., Fatullaev S.T. (2021). *Teoretiko-metodologicheskie podkhody k opredeleniyu gorodskoy aglomeratsii kak prostranstvenno-lokalizovannoy podsistemy rossiyskikh regionov* [Theoretical and methodological approaches to the definition of urban agglomeration as a spatially localized subsystem of russian regions]. *Vestnik MIRBIS*. (3(27)). 28–36. (in Russian). doi: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3..
- Nefedova T.G. (2017). *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: otvety geografa* [Ten topical questions about rural Russia: geographer's answers] (in Russian).

- Nefedova T.G. (2021). *Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy selskoy mestnosti v staroosvoennykh regionakh Tsentra Rossii* [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Krestianovedenie*. (1). 126- 153. (in Russian). doi: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153.
- Nefedova T.G., Glezer O.B. (2020). *Transformatsiya sotsialno-geograficheskogo prostranstva Rossii* [Transformation of the socio-geographical space of Russia] (in Russian).
- Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2017). *Perestroyka rasseleniya v sovremennoy Rossii: urbanizatsiya ili dezurbanizatsiya?* [The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization?]. *Regional research*. (2 (56)). 12-23. (in Russian).
- Neustroeva A.B., Popova O.V. (2014). *Nestandardnaya zanyatost selskogo naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Non-standard employment of the rural population of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Science and education*. (3(75)). 57-62. (in Russian).
- Nikulina Yu.N., Arefeva V.A., Saraykin V.A. (2022). *Alternativnaya selskaya zanyatost i eyo svyaz s vozvratnoy migratsiyey gorozhan* [Non-agricultural rural employment and urban-rural migration: is there a connection?]. *Population*. (25(1)). 118-128. (in Russian). doi: 10.19181/population.2022.25.1.10.
- Pchelintsev O.S. (1966). *Ekonomicheskoe obosnovanie razmeshcheniya proizvodstva: metody, primenyaemye v kapitalisticheskikh stranakh* [Economic justification of production placement: methods used in capitalist countries] (in Russian).
- Perroux F. (1950). *Economic space: theory and applications* *Quarterly Journal of Economics*. (64). 89-104.
- Podtserob M., Smertina P. (2018). *Kak vakhtoviki voyuyut s rabotodatelayami. I pochemu vakhtovye poselki – podkhodyashchee mesto dlya trudovykh konfliktov* [How shift workers fight with employers. And why are shift camps a suitable place for labor conflicts]. *Vedomosti*. (in Russian).
- Porter M. (1998). *Clusters and the New Economics of Competition* *Harvard Business Review*. (76(6)). 77-90.
- Pottier P. (1963). *Axes de communication et developpement economique* *Revue Economique*. (1). 12-58.
- Richardson H.W. (1993). *Regional Growth Theory*
- Serova E.V., Naumov A.S., Yanbyh R.G., Orlova N.V., Abdolova S.N. (2021). *Problemy selskogo razvitiya i novye podkhody k ikh resheniyu v Rossii* [Rural development problems and new approaches to their solution in Russia]. *International Agricultural Journal*. (6(384)). 10-16. (in Russian). doi: 10.24412/2587-6740-2021-6-10-16.

- Soloveva T.S. (2016). *O nekotorykh rezultatakh modernizatsii regionalnykh obrazovatel'nykh sistem (na primere Vologodskoy oblasti)* [Some results of the regional educational systems modernization (case study of the Vologda region)]. *Economics and management: problems, solutions (Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya nauchno-prakticheskiy zhurnal)*. (11). 232–243. (in Russian).
- Tonkikh N.V. (2021). *Distantcionnaya zanyatost i roditelstvo: mneniya zhenshchin* [Distance employment and parenthood: women's opinions]. *Population*. (3). 92–104. (in Russian). doi: 10.19181/population.2021.24.3.8.
- Trotskovskiy A.Ya. (2021). *Prostranstvennye issledovaniya v rabotakh rossiyskikh regionalistov: narrativnyy obzor* [Spatial studies in the Russian regionalists works: a narrative review]. *Ekonomika Professiya Biznes*. (3). 125–132. (in Russian). doi: 10.14258/epb202147.
- Trunova N.A., Lagunov I.V., Petrosyan A.N. (2020). *Lyudi. Dengi. Dannye* [People. Money. Data] (in Russian).
- Von Thünen J.H. (1826). *Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*
- Voroshilov N.V. (2021). *Razvitie gorodskikh aglomeratsiy na territorii Evropeyskogo Severa Rossii* [Development of urban agglomerations in the European North of Russia]. *Federalizm*. (26(4)). 54–74. (in Russian). doi: 0.21686/2073–1051–2021–4–54–74.
- Weber A. (1922). *Ueber den Standort der Industrien*
- Zubarevich N.V. (2017). *Transformatsiya rynkov truda rossiyskikh monogorodov* [Transformation of labor markets in Russia's single-industry cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. (4). 38–44. (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2015). *Strategiya prostranstvennogo razvitiya posle krizisa: ot bolshikh proektov k institutsionalnoy modernizatsii* [Spatial strategy after the crisis: from the big projects to institutional modernization]. *The Journal of the New Economic Association*. (2 (26)). 226–230. (in Russian).

